
Секция 3
Репродукция аксиологической реальности
в текстах художественной литературы

Бортников В. И., Бортникова А. В.
Екатеринбург, Россия

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В РЕЧИ ГЕРОЕВ
Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «БУЯНКА»)*

Разговорная речь хронотопична. Её специфика обусловлена не только временем, но и географическим пространством. Последнее подтверждается записями устных диалогов и эпистолярных образцов [См.: РРР 1978; ЖРУГ 1995, 2011], а также репродукцией живой речи в текстах художественной литературы [См.: Купина 2019].

Применительно к исследованиям живой речи Урала [Вепрева, Купина, Ицкович 2018] значимыми оказываются произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852–1912). Важнейшей была установка автора на достоверность изображаемого, документальность, подлинность событий [Бортникова 2016: 64]. Это же подчеркивали современники, знавшие Мамина лично: «Дмитрий Наркисович... писал большинство своих рассказов с натуры, но в то же время он поразительно умел запоминать, перерабатывать и вводить в свои произведения чужие переживания, чужие рассказы» [Ч–ин 1936: 55]. Сестра писателя, Елизавета Наркисовна, вспоминала: «Брат больше охотился не за дичью, а за тем бытовым материалом, который такой яркой «красной нитью» проходит по всем его уральским романам и рассказам» [Чекин 1962: 28].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Доклад посвящен лингвоаксиологической интерпретации речи героев Д. Н. Мамина-Сибиряка. Предметом специального изучения послужили семейные ценности, отраженные в речи персонажей повести «Буянка» (1890). Интерпретация семейных ценностей осуществляется по ходу развития сюжета – в соответствии с этапами жизни главной героини.

Композиционно повесть строится как чередование семейных и театральных сцен. В начале Буянка – *молоденькая дѣвушка*, Елена Васильевна, которая *случайно заѣхала навѣстить* дядю (Ивана Петровича), *да какъ-то такъ и осталась у него. Присутствіе молоденькой дѣвушки много скрасило холостое одиночество Ивана Петровича, но онъ изъ упрямства не хочетъ сознаться въ этомъ и постоянно ссорится с гостьей* [Маминъ-Сибирякъ 1916: 279]. Ценность семьи проявляется в постоянных заботах о дяде:

– *Дядя, съ тобой сдѣлается солнечный ударъ, – предупреждалъ время от времени свѣжій женскій голосъ откуда-то изъ-за спущенной занавѣски.*

– *Пусть... – хрипло отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, продолжая лежать на солнцѣ.*

– *Наконецъ ты просто изжаришься въ собственномъ соку, какъ хорошій бифштексъ!*

– *Бифштексъ вещь недурная...*

– *Дядюшка, миленькій, нехорошо упрямиться!..*

– *Отстань!..* [Там же]

Буянка участвует в постановках любительского театра. Это и рушит семейную идиллию: девушка сбегает с артистом Буровым, рождает от него ребенка, а через некоторое время Буров бросает Буянку. Когда об этом сообщают Ивану Петровичу, по его реакции становится понятно, как дорого ему присутствие племянницы в доме (ср. использование несобственно-прямой речи):

– *Ничего не пойму: кто-нибудь изъ насъ двоихъ глупъ...*

– *Ты помнишь Бурова?*

– *Ну?..*

– *И только...*

Иванъ Петровичъ весь побагровѣлъ, хотѣлъ встать съ кресла, но сейчасъ же тяжело упалъ. Его точно обухомъ ударили... Что такое Буровъ? Не можетъ быть... Такая умненькая дѣвушка, однимъ

*словомъ, Буянка, и какой-нибудь Буровъ, – нѣтъ, это невозможно. На-
конецъ онъ, Иванъ Петровичъ, не согласенъ, он протестуетъ... Ста-
рику хотѣлъ крикнуть: «Буянка, милая моя Буянка!», но вмѣсто этого
только заплакать безсильными старческими слезами [Там же: 301].*

На некоторое время Буянка поселяется на той самой даче, где так идиллически проводила время с дядей. Сам Иван Петрович живет в городе. Живущих порознь дядю и племянницу «соединяет» пожилой дворецкий, то и дело навещающий Елену Васильевну и привозящий барину её сына, Коленьку, в гости. Аксиологема «ребёнок» маркирует важнейшую семейную ценность в сюжете повести.

Семья «восстанавливается» с возвращением Буянки на любительскую сцену: Коля оказывается под надзором дяди и старой няни. Незаметно происходит *отчуждение* от матери: *Маленькій Коля оставался какъ-то в сторонѣ, подъ надзоромъ старой няни. Мать онъ видѣлъ только по утрамъ...* [Там же: 325] Во время болезни сына у Буянки идет череда непрерывных спектаклей. Она не успевает помочь ребенку, который умирает в последний день Масленицы. Буянку больше ничто не стесняет, и через некоторое время она вновь сбегает от дяди со столичным актером Охотниковым.

Сюжет повторяется: героиню бросают, только на этот раз уже без ребёнка, и вновь семья принимает дважды падшую Буянку, укрывает её от людских глаз. Героиня больше не выходит на сцену, однако сохраняет старые знакомства и в конце концов – через несколько лет – становится женой комика Чайкина, «маленького человека», давно безнадежно влюбленного в неё. Образуется новая «ячейка общества», в составе которой Буянка должна, наконец, обуздать себя. Финал повести – апофеоз разрушения семьи: оба бывших любовника, Буров и Охотников, являются *взглянуть на Чайкина въ роли мужа* [Там же: 342]. Между Чайкиным и приехавшими «премьерами» происходит словесная потасовка:

– Вонъ, мерзавцы!.. – ораль Чайкинъ, не помня себя отъ бѣшенства.

– Молчи, щенокъ! – крикнулъ ему Буровъ и погрозилъ пальцемъ
[Там же: 343].

Созданная «семья» вновь оказывается мнимой; эту попытку, третью по счету, Буянка пережить не в силах. Она стреляет себе в голову.

Семья в повести Д. Н. Мамина-Сибиряка представляет собой комплексную аксиологему, задающую векторы сюжетного развития: «семья» как «не-театр», как нечто истинное, подлинное, где нет места притворству; как способ уединения от злословящего мира; как союз тех, кто всегда будет на стороне родного человека. Эта аксиологема находит воплощение в речи всех главных героев и может реализовываться через частные сценарии ‘падение’, ‘рождение ребенка’, ‘бегство/возвращение’ и др. Исследование репродуцированных «внутри-семейных диалогов» [Ицкович, Купина 2018] способствует глубинному осмыслению семьи наряду с другими базовыми ценностями [См.: Вепрева, Ицкович, Купина, Шалина 2018].

Литература

Бортникова А. В. Жанры малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: поэтика повествования: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.

Вепрева И. Т., Ицкович М. М., Купина Н. А., Шалина И. В. Ценностные предпочтения современной студенческой молодежи в лингвокогнитивном и социопсихологическом освещении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 62–73.

Вепрева И. Т. Инновационные методы исследования аксиологического содержания речевого быта семьи // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2018. № 3. С. 107–113.

Вепрева И. Т., Купина Н. А., Ицкович Т. В. Базовые ценности и их отражение в речевом пространстве уральского города // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3 (92). С. 97–106.

ЖРУГ 1995 – Живая речь уральского города: Тексты / науч. ред. Т. В. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995.

ЖРУГ 2011 – Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия / [сост. И. В. Шалина]. Екатеринбург, 2011.

Ицкович Т. В., Купина Н. А. Внутрисемейные диалоги о профессии: лингвоаксиологическая интерпретация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 4. С. 153–162.

Купина Н. А. Пьесы Ярославы Пулинович: тема семьи и женские лингвокультурные типажи // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 155–171.

Маминь-Сибирякъ Д. Н. Буянка // Маминь-Сибирякъ Д. Н. Полное собрание сочинений съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ П. В. Быкова. Пг., 1916. Т. 8. С. 279–343.

PPP – Русская разговорная речь. Тексты / отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. М., 1978.

Ч-ин В. Среди друзей Дмитрия Наркисовича // Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке / сост. З. А. Ерошкина. Свердловск, 1936. С. 46–58.

Чекин В. П. У сестры Дмитрия Наркисовича // Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 26–31.

Голованова Е. И., Ковалёва О. Н.
Челябинск, Россия

ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН»*

Концептуальная система человека, ее структура отличается доминантным принципом организации. Среди общих, коллективных, когнитивных доминант в языковом сознании можно выделить территориальные, социумные, профессиональные, ценностные и т. д. Существуют также частные, индивидуальные, доминанты как личностные конструкты [Болдырев 2019: 38–42].

Ценностные доминанты проявляются в тексте посредством метафорических и метонимических связей, оценочных концептов, категорий, стереотипов. В художественном тексте автор транслирует как свои субъективные, так и национально-культурные ценностные установки, являясь носителем той или иной лингвокультуры.

Так, в романе Евгения Водолазкина «Брисбен» (2019) на примере разных судеб, жизненного пути главного героя Глеба Яновского, его родителей, учителей и др. мы можем воссоздать ценностные доминанты их мировосприятия и деятельности: дом, детство, семья, про-

* Материалы подготовлены в рамках реализации проекта «Изучение механизмов языковой интерпретации в различных видах дискурса» (грант Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ»).